

57. *Felicis ep. 14. P. 268: Calchedonensi concilio, quod universalis sanxit et custodit Ecclesia, Eutyches et Dioscorus non probantur esse damnati? ... An eorum communionem, frequenter et regulariter interdicerentur nobis, non est secutus Acacius...?*

58. *Felicis ep. 16. P. 275: ex forma synodi memoratae...*

59. *Liber pontificalis / Ed. Duchesne. Vol. I. Paris, 1886. P. 270 (о событиях 519 г.): «Итак, весь клир вместе с Иоанном Константинопольским ... заперлись в большой Церкви, которая называется [св.] София и, устроив Собор, передали императору, говоря: «Если не будет дан нам отчет, почему был осужден наш епископ Акакий, ни за что не согласимся мы с апостольским престолом...»» (Omnis itaque clerus una cum Iohanne episcopo Constantinopolitano ... incluserunt se in ecclesia maiore quae vocatur Sufia et consilio facto mandaverunt imperatori dicentes: Nisi nobis reddita fuerit ratio quare damnatus est episcopus noster Acacius, nullatenus sentimus sedi apostolicae...).*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ БОГОСЛОВСКИХ ШКОЛ

О.А. Манохина

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

В статье рассматриваются особенности концепции основных ранневизантийских богословских школ. В основе отличий лежит специфика местных региональных этнокультурных особенностей, которые определяли и методiku обучения, и способы мышления в исследовательской деятельности.

Ключевые слова: ранняя Византия, богословское образование, греческая школа, сирийская школа.

CONCEPTUAL FEATURES OF THE EARLY BYZANTINE THEOLOGICAL SCHOOLS

O.A. Manokhina

Belgorod National Research University

The article considers the peculiarities of the basic concepts of early Byzantine theological schools. The differences are determined by specific to the local regional cultural features, which set out the methodology of learning and ways of thinking in research activities.

Keywords: early Byzantium, theological education, the Greek school, the Syrian school.

Как известно, в ранней Византии существовали крупные центры, в которых осуществлялся процесс высшего богословского образования – богословские школы в Александрии, Антиохии и Нисибине (Эдессе). На самом же деле этих школ было намного больше, но сведений об их жизни фактически не сохранилось. Мы рассмотрим только три из них, более крупные и значимые, их устройство и быт. И на их примере сможем выделить особенности влияния современной ситуации в империи и ее регионах на концепцию ранневизантийских богословских школ.

Александрийская школа. К греческому типу Дьяконов относит Александрийскую школу и говорит, что она «носила настолько определенно выраженный греческий характер, что ею можно бы ограничиться для описания высшей богословской школы греческого типа»¹.

Историю этой школы исследовало много авторов, но более прочих выделяются В.Н. Дмитриевский, А.П. Дьяконов, Ж. Барди².

Еще больше исследователей изучало Александрийскую школу как направление философско-богословской мысли. Это, например, В.Я. Саврей, Н.И. Са-

гарда, митрополит Филарет (Гумилевский) и ряд других. Мы же будем рассмотрим историю данной школы в контексте истории Церкви, как институт, выполнявший основные функции высшей богословской школы, начиная с IV века.

Богословская школа в Александрии по своей специфике более тяготеет к особенностям греческого мировосприятия и науки³. Для греческого типа это общие религиозно-просветительские цели. Греческий тип системы образования характеризуется такими особенностями «национального» духа, как стремление к знанию, которое ценилось само по себе независимо от практического применения, и именно к знанию всеобъемлющему и цельному, которое в высшем своём синтезе – философии должно было разрешить для эллина все вопросы бытия, раскрыть перед ним сущность вещей божественных и человеческих. Этот интерес не был только теоретическим. «Эллин глубоко верил в воспитывающую силу знания: оно, по его убеждению, должно сообщать духу человека высшую красоту и нравственность»⁴.

Именно стремление к практическому знанию является характерной чертой греческой системы образования. Отсюда и вся система греческого образования была построена на двух главных началах: во-первых, ценность признавалась только за общеобразовательными науками, которые носили название наук «свободных»; во-вторых, общеобразовательные науки ценились не сами по себе, а с точки зрения того высшего синтеза, который давала им философия⁵.

Однако, с возникновением христианства интерес к философии упал. Философские школы античности «занимались комментированием старых систем и получили характер замкнутых сект, из которых каждая рабски держалась своего учителя, и большинство греков довольствовались риторской школой, которая давала лишь формальное образование и, в то же время, носила в себе отпечаток отрицательной философии софистов в духе нигилизма»⁶.

В Александрийской школе продолжали осуществляться все основные направления деятельности, относящиеся к христианским богословским школам⁷. Школа продолжала выполнять катехизаторскую функцию. Свое первоначальное назначение «огласительного училища» Александрийская школа до известной степени сохраняла и после своего преобразования в высшую школу: в число ее слушателей на первых ступенях обучения можно было встретить язычников и еретиков, «стучавшихся в двери Церкви»⁸.

Подготовка пастырей была также основным видом деятельности. Все указанного рода школы, в которых с большим или меньшим успехом могли получать образование пастыри, существовали в небольшом количестве. «Древнейшей и знаменательнейшей из этих школ была Александрийская»⁹.

Но самым важным направлением школы была догматическая деятельность. «Чем была Платоновская академия для философии, тем же была Высшая школа в Александрии для христианской науки»¹⁰. Долгое время философия Александрийской школы, наряду с философией патристики, воспринималась как несущественное добавление к богословию и библейской экзегезе. Однако такой подход не позволял выявить уникальные особенности учения Александрийской школы и определить ее место в истории философской и богословской мысли¹¹.

Догматическая деятельность школы сводится к участию в богословских спорах того времени и участие во Вселенских соборах ее представителей.

А.П. Лебедев, описывая историю Вселенских соборов, отмечает значимость школ в целом вообще, в истории первых, но более высокую значимость выделяет для Александрийской и Антиохийской¹².

Касательно повседневной жизни школы, имеются только лишь отрывочные сведения источников, и преимущественно раннего периода ее функционирования. Определенного помещения для занятий у Александрийской школы не было. Во время гонений она располагалась в частном доме, иногда переходила из одного дома в другой, но IV в. она, естественно, должна была размещаться в каком-либо из принадлежавших Церкви зданий, как это было в Кесарии уже в III в¹³.

Повседневная жизнь и образовательная программа школы более известна для раннего периода ее истории, а именно III в. Точно представить то, как жила школа в IV-VI веках, более сложно. Но если взять за основу распространенный топос о том, что высшее богословское образование в это время процветало и развивалось, то говорить можно лишь об улучшении и усложнении образовательной системы школы.

Широте цели соответствовала широта и учебной программы Александрийской школы. Исходя из эллинской идеи всеобъемлющего знания, она включала в себя весь курс тогдашнего высшего образования, однако, не в виде бессистемной «полимафии» софистической школы, а в виде знания, объединенного в высшем синтезе, каковым здесь служила христианская философия, или богословие¹⁴.

Система образования в школе строилась по принципу языческих философских школ¹⁵. Однако сведений о данной системе для IV-VI вв. не сохранилось. Ретроспективно можно использовать более ранние сведения Климента Александрийского («Педагог»), Григория Тавматурга, Евсевия Кесарийского.

По поводу внешнего устройства школы мы также не имеем точных сведений источников. А.П. Дьяконов указывает на противоречивость мнений по поводу принадлежности школы Александрийскому епископу. В пользу этого он утверждает, что школа «вверялась» конкретному лицу епископом в силу организационного устройства тогдашней церкви.

Учитель школы был один, он же был ее руководителем во всех отношениях. Эта традиция соответствовала традициям античных философских школ, когда вокруг учителя собирались ученики, и образовывалась школа. Также был целый штат помощников, которым поручалось преподавать более простые курсы дисциплин. Требования к преподавателям были высоки. Им было необходимо быть людьми благочестивыми и глубоко образованными. Также было обязательным наличие священного сана¹⁶.

Ученики школы принимались «на работу» без различия своего статуса и происхождения, а на первую ступень принимались иногда еще и лица других вероисповеданий¹⁷.

Следующей по значимости после Александрийской школы, стала ее последовательница – школа в Константинополе¹⁸. Однако это уже история другого периода.

Антиохийская школа. В конце III в. образовалась еще одна высшая богословская школа - в Антиохии¹⁹. Основателями ее были ученые пресвитеры: Дорофей (ок. 290 г.) и Лукиан. Особый расцвет учености Антиохийской школы приходится на IV в.

Данная школа тяготеет к Александрийской, хотя территориально принадлежит сирийскому типу школ. По поводу ее организации, как учебного заведения, фактически ни чего не известно. Об этой школе современные исследователи пишут, прежде всего, как о богословском направлении. Однако, А.П. Дьяконов отмечает, что, все же эта школа была одним из институтов

высшего богословского образования: «Антиохийская школа гораздо более известна в качестве богословского направления, чем в качестве образовательного учреждения. Но в последнем смысле она, по-видимому, уже существовала около начала IV в., имея своим учителем пресв. Лукиана (311 г.), который, вероятно, и был ее основателем»²⁰.

Догматическую деятельность школы можно охарактеризовать так: «Богословским оппонентом Новоалександрийской школы была школа в Антиохии». В IV в. она занималась исследованием буквального смысла в толковании Священного Писания, используя достижения филологии, археологии и других наук. Эта школа принесла огромную пользу в деле просвещения огромной части империи. К сожалению, некоторые из антиохийских богословов (Диодор Тарсийский, Федор Мопсуестский) довели догматическое направление школы до крайности и упрочили в ней чрезмерный рационализм, который в V в. проявил себя в несторианской ереси. Из числа представителей школы, не впадавших в крайности учения, наиболее известны: св. Кирилл Иерусалимский, блаж. Феодорит Кирский и, конечно же, св. Иоанн Златоуст, который оставил церковной истории много сочинений, бесед, писем и особенно проповедей²¹.

Деятельность данной школы соответствовала основным целям высшей богословской школы и делилась на три составляющие – подготовка пастырей, катехизаторская и догматическая.

Антиохийская школа «была сильна и жизненна в IV и V веке»²².

Образцом сирийской высшей богословской школы является Эдесско-Нисибинская академия. Для сирийского Востока империи (и за ее пределами) она имела тоже значение, что и Александрийская школа для Востока греческого.

Сирийцы стремились более к практической составляющей богословия. Подобно иудеям, сирийцы искали авторитета в Предании. В связи с этим, складывалось и различное отношение к миру и мирской культуре: в то время как грек стремился в едином религиозном синтезе обнять все сущее, ибо «Господня земля и исполнение ея вселенная!» - восклицал Климент Александрийский, сириец проводил резкую грань между Божиим и человеческим, между религией и культурой. Отсюда понятно, что у сирийца не могло быть положительного отношения к богатой интеллектуальной культуре греков, ибо она была для него не только чужой, но и чуждой по своему характеру и содержанию²³.

Для истории школы много дает относительно изданное в нач. XX в. сирийское сочинение конца VI в. (между 581-604 гг.), посвященное специально рассказу «Об основании школ» и принадлежащее перу одного из учеников Нисибинской школы Бархадбешаббы Арабайи, епископа Халванского (в Персии). Относительно ее устройства подробные сведения сообщает открытый и изданный проф. Гвиди устав Нисибинской школы. Последняя редакция этого устава относится к 602 г., но она включает в себя целиком более древнюю редакцию 496 г., которая в свою очередь ссылается на утраченный устав 457 г.²⁴.

Что касается места расположения школы, то она была основана сначала в Эдессе, позже перенесена восточнее, в город Нисибин. Исследованием этой школы занималась Н.В. Пигулевская. Она же и опубликовала переведенный на русский язык устав Нисибинской школы. Исходя из него, можно сказать, уже с внешней стороны Эдесско-Нисибинская школа отличается от Александрийской довольно сложной организацией. А.П. Дьяконов дает краткое описание ее структуры. Школа имеет вид корпорации, все члены которой, за редкими исключениями, живут в школьном здании, в особых кельях по несколько человек в каждой и называются «братией». Тем не менее, это не мона-

стырь, так как прямо говорит братии: «Кто хочет более совершенной жизни, пусть идет в монастырь или в пустыню»²⁵.

Катехизаторская деятельность и образование пастырей обеспечивалась тем, что в школе обучались знаменитые священнослужители - Отцы и Учителя Церкви²⁶. В состав братии входили «люди всякого звания и возраста: и пресвитеры, и миряне, и молодые и старые»²⁷. Это является свидетельством того, что в школе получали образование все, и пастыри и миряне, и в этом заключаются две данные функции школы.

Преподавательско-воспитательский состав был следующим. Во главе братии стоит главный учитель-экзегет, носящий почетное звание «учитель наш». За ним следуют два учителя второго ранга и «начальник дома», в лице которого совмещаются функции инспектора, эконома, библиотекаря. Вся братия делится на два неравных разряда: большинство составляют ученики в собственном смысле; меньшинство составляют уже прошедшие школьный курс и получившие учёную степень - «исследователей» или «докторов», они служат, вероятно, помощниками учителей в преподавании... Они же, по-видимому, состоят и «начальниками келий, и в этом звании являются помощниками «начальника дома». Кроме того, они вместе с учителями составляют коллегиальный орган управления, которому предоставлены большие полномочия, а именно: избрание «начальника дома», которое производится ежегодно, решение важных дисциплинарных дел и выработка устава школы²⁸.

Высшее управление и руководство школой принадлежало, несомненно, епископу, хотя по этому вопросу и высказывались противоположные суждения. Это видно из того, что епископы утверждали устав школы во всех редакциях, разбирали внутренние несогласия среди братии и, вероятно, назначили учителей. В Эдессе и в Нисибине школа располагалась в самом городе близ епископской кафедры. От епископской кафедры школа, несомненно, получала средства содержания. Из устава известно, что обучение в школе было бесплатным, но учителя получали жалование, и даже беднейшие из учеников получали пособие на свое содержание. Других материальных источников, кроме церковных, у школы не было²⁹.

Образовательная программа школы определялась «из названий учителей и отчасти от их функций. Первый учитель, он же и «раббан», называется «толкователем», имеется в виду - Св. Писания. Второй - «учитель произношения»; он преподаёт искусство вокализации и пунктуации текста Св. Писания, то есть сирийскую масору, вероятно, в связи с грамматикой. Третий учитель называется «учителем чтения», но в действительности ему вменяется в обязанность преподавание богослужения и церковного пения. Таким образом, две кафедры относятся к науке Св. Писания и одна - к литургике. Та же самая программа, по сведениям Бархадбешаббы, была принята и в Эдесской школе при первом преемнике св. Ефрема. Однако, сначала все три науки преподавались одним лицом, а в 437 г. они были разделены между тремя преподавателями. Но весьма вероятно, что эта программа принята была уже при св. Ефреме, ибо известно, что его литературная деятельность сосредоточивалась главным образом на экзегетике и гимнографии³⁰.

В Нисибинском уставе можно увидеть определенно отрицательное отношение к светской науке. Здесь запрещается ученикам школы жить вместе с врачами, «дабы не читались в одном [месте], - говорит устав, - книги мирской мудрости и книги святости». Равным образом, ученик, оставивший школу для обучения врачебному искусству, не мог быть принят обратно, если бы пожелал, за редкими исключениями³¹.

Таким образом, программа школы ограничивалась предметами богословского курса. Но и в этом последнем мы не видим наук систематического характера, за исключением краткого введения к экзегетическому курсу. Учебник по этому предмету, принятый в Нисибинской школе со 2-й четверти VI столетия и принадлежащий перу некоего Павла Перса - автора «Трактата о логике Аристотеля», сохранился до настоящего времени в переводе Юнилия Африкана - современника Павла. Этот учебник, занимающий в печатном издании 60 стр., содержит, во-первых, общие сведения о священных книгах и, во-вторых, краткий очерк библейского богословия. В диалектических разделах и определениях книги, а также в ее историко-грамматическом направлении можно видеть влияние Аристотеля³².

Программа обучения в школе была рассчитана на три года. Учебный курс был разделен на три года; причем программа каждого года точно определена. Экзегетика начиналась изучением и переписыванием «книги Павла», т.е. учебника по исагогике. Затем следовало списывание и объяснение всей Библии, причем книги исторические и учительные (за исключением Псалтири), соединявшиеся у сирийцев в один отдел под общим названием «книги Судей», были распределены поровну между всеми тремя классами, а остальные книги изучались в последовательном порядке: на первом курсе - «Закон», т.е. Пятикнижие, на втором - «Давид (т.е. Псалтирь) и Пророки», на третьем - «Новый Завет». Соответственным образом распределены были и книги богослужбного круга.

Воспитание также играло важную роль в жизни учащихся. То есть, требовалось, прежде всего, точное и полное усвоение изучаемого материала не только по содержанию, но и по форме. Школа придерживалась таких правил: «Сначала учи, а потом объясняй», «Не верь тому, кто скажет, что, приложив старание, не достиг ничего». Действительно, прилежания и усидчивости в Нисибинской школе требовалось немало.

Основная особенность воспитательной стороны заключалась в том, что она имела вид отдельной от образования системы с особыми органами, особыми правилами поведения и наказаниями. Воспитателями были «начальник дома» (раббайта) и его помощники - «начальники келий»; однако они должны были координировать свои действия с указаниями «раббана» и совета старших братьев. Правила поведения были подробно изложены в уставе школы, который раз в год торжественно читался перед всем собранием, «дабы добронравных ободрить, а «ленивых и негодных» исправить». Для последних правила казались обременительными.

Основная тенденция правил - строгая церковность воспитания. Хотя школа не была монастырем, ученики должны были вести образ жизни, близкий к монашескому: они были обязаны неукоснительно посещать все богослужения и уроки, не должны были выходить из школы без разрешения «начальника дома»³³, должны были иметь общий с братией стол и повиноваться своим «начальникам келий».

Догматическая деятельность школы характеризуется основными трудами ее главных представителей. Одним из них был один из основателей школы Ефрем Сирийский. Он был одним из лучших ее представителей. Но вскоре, как и школа Антиохийская, эта школа стала проповедовать односторонние взгляды на толкование Св. Писания и постепенно совсем отошла от ортодоксии³⁴.

В своем исследовании «Духовенство Древней Вселенской Церкви» А.П. Лебедев только упоминает обо всех этих школах и пишет, что именно в них «могло получать образование духовенство Восточной церкви»³⁵.

При рассмотрении жизни и значения каждой школы необходимо обратить внимание на то, что эти школы являлись учреждениями, осуществлявшими высшее духовное образование в империи.

Также эти школы выполняли три самые важные функции – образовательную, подготовку пастырей и догматическую. Это является их общей чертой.

Недостаток сведений источников не позволяет нам в полной мере представить картину бытовой жизни школ. Однако, даже имеющиеся сведения позволяют говорить о значительных различиях греческого и сирийского типов школ. Александрийская школа, как носитель греческого менталитета и традиций, более тяготела к рациональному постижению божественных истин, а сирийские школы – более к чувственному и сакральному, как Антиохийская и позднее - Эдессо-Нисибинская. Именно в специфике местных региональных этнокультурных особенностей и заключались концептуальные различия между школами. От этого зависела и непосредственно сама методика обучения, и способы мышления в исследовательской деятельности.

Примечания:

1. Дьяконов А.П. Типы высшей богословской школы в древней церкви III-VI вв. Речь на годовичном акте Санкт-Петербургской Духовной Академии 17 февр. 1913 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1913. С. 23.

2. Bardy G. Aux origins de l'école d'Alexandrie // *Recherches des science s'religieuses*. Paris, 1937. T.27. P. 65-90.

3. См.: Harnack A. Alexandria School // *The New Schaff-Herzog Encyclopedia of Religious Knowledge*. Michigan. 1960. Vol. 1. P. 124-126.

4. Дьяконов А.П. Указ. соч. С. 3-4.

5. Там же. С. 4.

6. Там же. С. 5.

7. См.: Goehring J.E., Timbie J. *The World of Early Egyptian Christianity: Language, Literature, and Social Context / CUA Studies in Early Christianity*. –Washington, DC: Catholic University of America Press, 2007. 432 p.

8. Дьяконов А.П. Указ. соч. С. 6.

9. Лебедев А.П. *Духовенство древней Вселенской Церкви*. СПб.: Алетейя, 1997. 264 с.

10. Гадамер Х.-Г. *Истина и метод. Основы философской герменевтики*. М.: Прогресс, 1988. С. 486-487.

11. Саврей В.Я. *Александрийская школа в истории философско-богословской мысли*. М.: КомКнига, 2006. 745 с.

12. Лебедев А.П. *Вселенские Соборы IV и V веков*. Сергиев Посад: 2-я типография А.И. Снегиревой, 1896. С. 12.

13. Дьяконов А.П. Указ. соч. С. 23.

14. Там же. С. 10.

15. Там же. С. 18-19.

16. Там же. С. 21-22.

17. Там же. С. 22.

18. Там же. С. 23.

19. См.: Курбатов Г.Л. *Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке)*. Л.: ЛГУ, 1962. 286 с.

20. Дьяконов А.П. Указ. соч. С. 43.

21. Кирилл (Илюхин). *История христианского образования // Православный собеседник. №2 (15)*. Казань: Казанская духовная семинария, 2007. С. 174.

22. Лебедев А.П. *Вселенские Соборы IV и V веков*. Сергиев Посад: 2-я типография А.И. Снегиревой, 1896. С. 13.

23. Дьяконов А.П. Указ. соч. С. 37-38; см. также: Аверинцев С.С. *Поэтика ранневизантийской литературы*. М.: Лабиринт, 1996. 400 с.

24. Дьяконов А.П. Указ. соч. С. 43-44.
25. Там же. С. 45.
26. Кирилл (Илюхин). Указ. соч. С. 174.
27. Дьяконов А.П. Указ. соч. С. 46.
28. Там же. С. 44.
29. Там же. С. 44-46.
30. Там же. С. 46-48.
31. Там же. С. 48.
32. Там же. С. 50.
33. Там же. С. 50-52.
34. Кирилл (Илюхин). Указ. соч. С. 174.
35. Лебедев А.П. Духовенство древней Вселенской Церкви. СПб.: Алетейя, 1997. С. 281.

ИСТОРИЯ РИМА ГЛАЗАМИ АНТИКВАРОВ VI в. (ЗОСИМ И ИОАНН ЛИД)

М.М. Саница

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В работе дается сравнительный очерк отношения к истории Рима у крупного чиновника и историка рубежа V-VI вв. Зосима и не менее крупного чиновника и любителя древностей («антиквара») Иоанна Лиды. Отмечается своеобразие взгляда на римскую историю из Константинополя VI в.

Ключевые слова: антикварная традиция, история Рима, Византия.

HISTORY OF ROME SEEN ANTIQUARIES OF 6 CENTURY A.D. (ZOSIMUS AND JOHN THE LYDUS)

This paper presents a comparative essay related to the history of Rome from the high official and historian Zosimus abroad 5-6 cent. A.D. and no less important official and lovers of antiquity («antiquarian») John the Lydian. Marked peculiarity view of Roman history from Constantinople at 6 cent. A.D.

Keywords: antique tradition, the history of Rome, Byzantium.

Тема данной работы посвящена вопросу об антикварно-традиционном направлении в подходе к истории римского государства в исторической мысли VI в.

VI век не был однородным в рассмотрении подхода к прошлому. В это время сталкивалось множество идей, существовало много разных вариантов прошлого¹.

Основное противоречие в идейной борьбе позднеантичной эпохи было связано с противостоянием новых идей и традиции². В VI в. антикварно-традиционное направление в историографии было эхом разгневанной традиции³, которая уходила в прошлое, а на смену ей приходило новое средневековое христианское мировоззрение.

Эта уходящая традиция нашла наиболее яркое выражение в работах, посвященных истории римского государства. Интерес к истории римского государства вспыхнул после падения западной части Римской империи и захвата Рима варварами в V в. н.э., для интеллектуалов восточноримского общества было необходимо переосмыслить катастрофу, так как они ощущали глубокую связь и преемственность с Древним Римом⁴.